

Александр Ватлин

Немецкие политэмигранты в Советском Союзе: жизнь под контролем

Вопрос о судьбах немецких политэмигрантов в Советском Союзе 30-х гг. пользуется неизменным вниманием как историков, так и представителей художественной интеллигенции Германии. Регулярно появляются не только новые исследования по этой теме, но и фильмы, пьесы, нарицательными стали такие понятия, как отель «Люкс» и Лубянка, вернулись в лексикон историка такие слова ушедшей эпохи, как двурушничество или доносительство. Достаточно указать на тот живой интерес и острые дискуссии, которые вызвала в немецких масс-медиа книга о соучастии Герберта Венера в подготовке репрессий НКВД против немецких коммунистов 1937 г.¹

И все же тему вряд ли можно считать исчерпанной до конца. Человеческие судьбы чрезвычайно трудно привести к общему знаменателю, даже если этим знаменателем являются такие крайние проявления господства внешних сил, как увольнение с работы, исключение из партии, лишение свободы или расстрел. Каждый человек ежедневно и индивидуально определял свой жизненный путь, ставя на первое место карьеру, личный комфорт, помощь семье или спасение собственной жизни. Политэмигранты из Германии, оказавшиеся в чужой стране с весьма экзотическими для них нравами и политическим режимом, оказывались в роли разведчиков-нелегалов, главной задачей которых являлось «стать своим среди чужих». И как разведчики, во второй половине 30-х гг. они полностью отдавали себе отчет в том, что один неверный шаг может стоить им жизни.

Настоящая работа не претендует на то, чтобы дать читателю законченную картину жизни и политической деятельности германских коммунистов, оказавшихся в Советском Союзе после прихода Гитлера к власти. Об этом уже написаны вполне достойные монографии.² Автор сознательно уходит от проблемы репрессий НКВД среди политэмигрантов – простое перечисление появившихся в последние годы статей и книг на эту тему заняло бы несколько страниц. В центре внимания работы – специфика партийного и коминтерновского контроля над немецкими

¹ Müller R. Herbert Wehner - Moskau 1937. Hamburg, 2004.

² Tischler C. Flucht in die Verfolgung. Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil 1933 bis 1945. Münster 1996; Dehl O. Verratene Ideale. Zur Geschichte deutscher Emigranten in der Sowjetunion in den 30er Jahren. Berlin, 2000.

политэмигрантами, причем автора интересует не его институциональное измерение,³ а «взгляд снизу» - восприятие контроля теми, кто становился его объектом.

Этих людей вряд ли следует записывать в категорию жертв (конечно, если абстрагироваться от полицейского измерения контроля, которое тоже было вездесущим), многие из них воспринимали контроль как социальную и политическую опеку, которая помогала выжить в малознакомой стране и даже позволяла сделать карьеру. Документы из личных дел немецких политэмигрантов, ставшие основным источником для написания настоящей работы, позволяют выделить как общее, так и особенное в их реакции на ежедневный контроль со стороны системы, которую они по традиции рассматривали как политическое оружие в руках пролетариата.

1. Волны коммунистической иммиграции в СССР

Далеко не всегда решение того или иного немецкого коммуниста об эмиграции в СССР было добровольным, более того, без предварительного одобрения со стороны партийного органа оно рассматривалось как «дезертирство с фронта классовой борьбы». Естественно, в эту категорию не попадали эмигранты первой волны – немецкие и австрийские военнопленные, принявшие идеи мировой революции и оставшиеся в Москве. В отличие от своих соратников, вернувшихся на родину для образования там коммунистических партий (Бела Кун, Эрнст Рейтер), они не сделали политической карьеры и в массе своей осели в коминтерновских или государственных учреждениях.⁴ На протяжении 20-х и первой половины 30-х гг. они оставались членами КПГ, некоторым даже удалось сохранить германское гражданство.

Следующая волна эмиграции состояла из революционеров действия – активных участников попыток захвата власти в Германии 1918-1923 гг., которых разыскивала полиция или которым удалось бежать из мест заключения. Среди них были и лидеры Баварской советской республики (Макс Левин, Т. Аксельрод), участники «мартовской акции» 1921 г. и «германского Октября» 1923 г. Пропандистский аппарат Советской России использовал их как «живые иконы», они

³ О механизмах контроля см. Der Terror. Stalinistische Parteisäuberungen 1936-1953. Hrsg von H.Weber und U.Mählert. Mannheim, 1998; Studer B., Unfried B. Der stalinistische Parteikader. Identitätstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. Köln u.a., 2001.

⁴ Пример подобной «тихой биографии» являл собой Адольф Штанге, технический работник аппарата Коминтерна. – См. Vatlin A. Tatort Kunzewo. Opfer und Täter des Stalinschen Terrors 1937-1938. Berlin, 2003. S.143-144.

кочевали от митинга к митингу (этим отличался «коммунистический Робин Гуд» - Макс Хельц), олицетворяя собой надежду на новый приступ мировой революции. Большинство из них стремилось вернуться в Германию, чему способствовали регулярные амнистии Веймарской республики, кто-то оставался работать в Коминтерне, писал мемуары. До 1933 г. ряды этой незначительной, но весьма влиятельной категории политических эмигрантов пополнялись в основном за счет функционеров, попавших в опалу (группа Брандлера, группа Рут Фишер, «примиренцы») или замешанных в тех или иных противоправных деяниях (Эрих Мильке).

Иногда получалось так, что связи конкретного человека с той или иной оппозицией вскрывались только после его прибытия в СССР. Так произошло с лидером германского комсомола Куртом Мюллером, который прибыл в СССР для работы в Исполкоме Коминтерна молодежи (ИККИМ). Он проживал в отеле «Люкс», и был окружен всевозможными почестями. Как только вскрылись его связи с оппозиционной группой Реммеле-Неймана, Мюллер лишился официального статуса и был отправлен простым рабочим на автозавод в Горький. Его переписка находилась под контролем представительства КПП, любые контакты с соратниками рассматривались как продолжение фракционной деятельности.⁵ Лишь после того, как Мюллер сумел убедить партийное руководство в своей полной лояльности, он был отправлен на подпольную работу в Германию.⁶

Основу колонии немецких коммунистов в СССР 30-х гг. составляли иностранные специалисты, приехавшие в страну в годы экономического кризиса на Западе. Их общая численность доходила до 17 тыс. человек (с семьями до 40 тыс. человек),⁷ хотя далеко не все из них разделяли платформу КПП. Партийные структуры участвовали как в отборе специалистов, так и в идеологической работе с ними после их приезда в СССР. Этим занималось Представительство КПП при Исполкоме Коминтерна, его сотрудники неоднократно выезжали в провинцию, вели активную переписку с немецкими рабочими, получали членские взносы от тех из них, кто входил в ряды германской компартии.

После прихода Гитлера к власти большинство немецких специалистов вернулось в Германию, пожелавшие остаться рассматривались нацистским режимом в качестве его противников. В эту группу влились и коммунисты, эмигрировавшие

⁵ Представитель КПП Фриц Геккерт указывал Мюллеру 5 июля 1933 г. на недопустимость подобных контактов – Российский государственный архив социально политической истории (далее РГАСПИ). Фонд 495, опись 156, дело 147, л.12 (далее 495/156/147, л.12).

⁶ Мюллер был арестован через несколько месяцев после прибытия в Германии, и до 1945 г. находился в концлагере. Затем он стал одним из лидеров КПП в Западной Германии, с 1949 г. – депутат бундестага. В 1953 г. он вновь оказался в СССР, на сей раз как осужденный за шпионаж в пользу Великобритании. – *Deutsche Kommunisten. Biographisches Handbuch 1918 bis 1945.* Hrsg. von Hermann Weber/Andreas Herbst. Berlin, 2004. S.519.

⁷ Dehl O. Op.cit. S.65.

из Германии после января 1933 г. Многим из них пришлось пройти через концлагеря и пытки штурмовиков, нелегально пересечь немецко-чешскую границу и в Праге ожидать разрешения на въезд в СССР. Оформление виз и оплату их приезда в Москву брал на себя МОПР, при этом каждая кандидатура согласовывалась с Представительством КПГ и отделом кадров Коминтерна.

Многие из эмигрантов попадали сразу под несколько категорий. Пример – Вилли Будих, один из активных участников германской революции 1918-1919 гг. Ему дважды удалось избежать смерти – вначале после ранения в ходе одной из демонстраций в Берлине, а затем после смертного приговора за участие в правительстве Баварской советской республики.⁸ Скрываясь от преследований, Будих в 20-е годы несколько раз приезжал в СССР, его воспоминания о Союзе Спартака выходили массовыми тиражами на русском языке. Накануне захвата власти Гитлером он являлся депутатом рейхстага и руководителем общего отдела ЦК КПГ. В мае 1933 г. Вилли Будих был арестован с важными документами и большой суммой партийных денег, его жестоко допрашивали штурмовики, однако международная кампания протеста привела к его освобождению, и уже в августе того же года он прибыл в Москву.

В СССР Будих благодаря поддержке руководительницы МОПРа Елены Стасовой получил статус политэмигранта, который отнюдь не давался автоматически всем тем, кому удалось вырваться из гитлеровских концлагерей. От подозрений в предательстве его не спасло ни революционное прошлое, ни то, что в результате пыток он стал инвалидом. Хотя Интернациональная контрольная комиссия (ИКК) Коминтерна сняла с Будиха эти обвинения, однако это не помешало отделу кадров направить специальное сообщение в НКВД: «его освобождение имело место при загадочных обстоятельствах: несмотря на то, что против него имелись доказательства о нелегальной работе в ЦК партии, он был совершенно неожиданно отпущен».⁹ Сбор компромата отдел кадров продолжал и в последующие годы, не оставив заслуженному революционеру шансов на выживание в СССР. Будих был арестован 19 сентября 1936 г. и после полутора лет предварительного заключения приговорен к смертной казни.

В 1937 г. в СССР находилось около 4 тыс. политэмигрантов, до половины из них являлись немцами. Этот статус, дававший ранее солидные преимущества (пенсия, обеспечение жильем, социальные льготы), с середины 30-х гг. превратился в несмыслимое клеймо. Побывавший в лапах гестапо автоматически оказывался под подозрением в том, что был завербован на роль шпиона и провокатора, и с началом «большого террора» практически не имел шансов на выживание. Не менее тщательно отслеживала коммунистических эмигрантов, сумевших перебраться в Советский Союз, и нацистская карательная машина. В специальных

⁸ РГАСПИ, 495/205/6234.

⁹ 495/205/6234, л.69. Письмо датировано 17 февраля 1934 г.

розыскных книгах гестапо, появившихся накануне нападения Германии на СССР, было немало фамилий немецких коммунистов, расстрелянных еще в 1937-1938 гг.¹⁰

2. Первое соприкосновение с советской действительностью

Представители почти всех волн коммунистической эмиграции, уже имевшие семьи в Германии, при содействии коминтерновских структур добивались их приезда в Советский Союз. Иногда разрешение на приезд давалось даже престарелым родителям, но это было уже исключением из правила. Будучи приверженцами радикальной переделки старого мира, коммунисты в личной жизни разделяли традиционные ценности. Подготовка мировой революции воспринималась как чисто мужское дело. Лишь в одном случае не жена последовала за мужем на работу в Исполком Коминтерна, а муж за женой. После года работы немки Эрны Петерман в отделе переводов ИККИ осенью 1931 г. к ней смог приехать ее муж Вернер. Он с трудом устроился на работу „машинисткой“, однако впоследствии поднялся до должности референта секретаря ИККИ Эрколи (П.Тольятти).

Особые условия, в которых оказывались семьи немецких коммунистов в Москве, скорее сплывали их, чем способствовали их распаду. С женой, как правило, разделявшей политические воззрения мужа, можно было поделиться самым сокровенным, она брала на себя львиную долю житейских забот, позволяя главе семейства сосредоточиться на работе. Представительство КПГ немало делало для того, чтобы облегчить жизнь жен известных деятелей партии, в том числе занималось их трудоустройством. Очевидно, наличие благополучной семьи являлось фактором, свидетельствующим в пользу того или иного функционера. Напротив, «легкомысленное поведение в быту», «кратковременные близкие отношения на стороне» фиксировались в партийных характеристиках как негатив.

Писатель Михаил Булгаков устами героя одного из своих произведений заметил, что москвичей – его современников «испортил квартирный вопрос». На решение этого вопроса тратились в 30-е гг. все жизненные силы и денежные средства, вокруг комнаты в коммунальной квартире разгорались трагедии, не уступавшие шекспировскому накалу страстей. Лишь тот, кто был широко известен, занимал высокий пост или обладал необходимыми связями в руководстве ВКП(б), мог не беспокоиться о квартирном вопросе. Так, Клара Цеткин проживала в знаменитом Доме на набережной напротив Кремля, предназначенном для сталинской номенклатуры. Уже после ее смерти наследники более года отказыва-

¹⁰ Sonderfahndungsliste UdSSR. Das Fahndungsbuch der deutschen Einsatztruppen in Rußlandfeldzug 1941. Hrsg.von W.Roeder. Erlangen, 1977.

лись вывозить оттуда библиотеку Цеткин, рассчитывая таким образом продлить собственное проживание в элитном доме.

В полной мере афоризм Булгакова был применим и к колонии немецких эмигрантов в советской столице. Рядовые сотрудники Исполкома Коминтерна принимали самое активное участие в борьбе за квадратные метры. Именно здесь им приходилось сталкиваться с бюрократизмом и волокитой, усваивать методы подкупа и давления. Документы, оседавшие в Управлении делами ИККИ, полны жалоб о том, что новоприбывшие получали достойное жилье, в то время как старожилы продолжали ютиться в нечеловеческих условиях. Сотрудницу архива ИККИ Марту Кюне после прибытия в Москву в 1933 г. временно поселили вместе с Бернгардом Рихтером в гостинице «Союзная». «Комната была настолько мала, что там невозможно было поставить вторую кровать, и мы попеременно спали один на полу, а другой в кровати». В мае 1937 г. она писала Димитрову, что такое «временное состояние» продолжается до сих пор, в то время как новые сотрудники получают отдельные комнаты.¹¹ Другим работникам ИККИ постоянно приходилось кочевать из комнаты в комнату: у аппарата Коминтерна не было своего жилого фонда в Москве, поэтому грозные резолюции его генерального секретаря на просьбах об улучшении жилищных условий приводили лишь к очередной перетасовке в отеле «Люкс».

В то же время следует признать, что на общем фоне материальной нужды в сталинской Москве немецкие коммунисты, имевшие интеллектуальную работу, жили довольно неплохо. Дополнительным заработком являлись статьи в прессе Коминтерна, в журнале «Иностранная литература», переводческая и редакторская деятельность. Подлинным сокровищем и основным средством производства являлись пишущие машинки, которые передавались по наследству от отъезжающих к остающимся. На втором месте по значению находилась швейная машинка – некоторые жены функционеров КПП брали заказы на пошив и переделку одежды для соседей по «Люксу». Наконец, никогда не прекращалась мелкая спекуляция вещами, привезенными из-за границы, зачастую они играли роль «подарков для нужных людей» и предметов бартерного обмена.

До 1935 г. все работавшие получали карточки на основные продукты питания, на большинстве предприятий были собственные кухни и столовые. Исполком Коминтерна обзавелся даже собственным подсобным хозяйством, где держали свиней и выращивали ранние овощи. Дети эмигрантов посещали немецкую школу, семьи имели возможность проводить лето на даче или в санатории. Естественно, объем получаемых жизненных благ находился в строгой зависимости от места, которое занимал тот или иной человек в номенклатурной иерархии.

¹¹ РГАСПИ, 495/65, л.26. Рихтер был расстрелян в 1938 г., Кюне была отправлена в Германию и до 1945 г. находилась в концлагере Равенсбрюк. – Deutsche Kommunisten. S.422, 614.

Исключение делалось для представителей немецкой художественной интеллигенции, либо постоянно проживавших в Москве, либо прибывавших туда с дружественными визитами. Так, 23 июля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило выделение гонорара в 5000 долларов Лиону Фейхтвангеру за переделку его романа «Семьи Оппенгеймеров» в сценарий.¹² Естественно, книга Фейхтвангера «Москва, 1937 год» была выдержана в нужной тональности. Уезжая, известные писатели дарили сберкнижки с выплаченными им в рублях гонорарами своим менее удачливым коллегам, остававшимся в Москве.

Большинство эмигрантов отдавали себе отчет в том, что в СССР их не ждут молочные реки с кисельными берегами. Жена писателя Фридриха Вольфа, писала мужу по пути из Базеля в Москву: «можно отказаться от много, к чему мы, избалованные люди, здесь привыкли».¹³ Ее страхи были во многом необоснованными – Вольф являлся образцом писателя-антифашиста и пользовался особыми привилегиями. По приезде семья писателя получила отдельную квартиру в центре Москвы, каждое лето проводила на даче.

Немецкие коммунисты видели, что живут они лучше подавляющего большинства советских граждан, их просьбы, направленные в Представительство КПГ и Коминтерн, ограничивались прибавкой к зарплате, материальной помощью, лучшим жильем. Гораздо реже встречались случаи открытого недовольства своим материальным положением, осуждения ситуации в стране в целом. Так, Эрна Влох, прибывшая в СССР в сентябре 1934 г. и заведовавшая конспиративным пунктом Отдела международных связей ИККИ, не скрывала своего негативного отношения к советской действительности. Начальник ОМС Абрамов-Миров в 1936 г. давал следующую характеристику своей сотруднице: «По прибытии в Москву она мне сразу заявила, что поехала сюда крайне неохотно. С первого же дня пребывания своего в Москве она прививала своим детям несоветский дух, сравнивая наш быт, наши магазины с заграницей в отрицательном для нас разрезе... Эрна Влох, не стесняясь, заявляла мне, что она чувствует себя здесь как в концентрационном лагере».¹⁴

Бунтарский дух коммунистов, чувствовавших себя маргиналами в буржуазном обществе, проявлял себя и в «отечестве всех трудящихся». Характерно, что жалобы немецких эмигрантов, в том числе и простых рабочих на зажим критики, хаос на производстве, бытовую неустроенность сопровождалась раздачей классовых оценок – «саботаж недобитой буржуазии» и т.п.¹⁵ Явное противоречие между пропагандистским образом строящегося социализма и реалиями повседневной жизни порождало внутренний протест прежде всего среди идеалистов, ис-

¹² РГАСПИ, 17/163/1116, л.120.

¹³ W.Jacobsen, R.Aurich. Der Sonnensucher Konrad Wolf. Berlin, 2005, S.78.

¹⁴ РГАСПИ, 495/205/6043, л.73.

¹⁵ См. подробнее: Shurawl'jow Sergej. Ich bitte um Arbeit in der Sowjetunion. Das Schicksal der deutschen Facharbeiter im Moskau der 30er Jahre. Berlin, 2003.

кренних приверженцев коммунистических идеалов. «Правдоискатели», уверенные в собственной правоте, писали в Москву, Сталину, в ИККИ, в органы НКВД. Но по отношению к ним все очевиднее действовал стереотип «незваного гостя» - мол, прибыл из Германии на все готовое и начал устанавливать собственные порядки. Активность таких людей обращала на них внимание карательных органов – тихоня имел больше шансов выжить в эпоху репрессий, чем бунтовщик.

Карл Борош и два его сына являлись активистами КПГ, в 1933 г. все трое были арестованы нацистами, после освобождения из концлагерей эмигрировали в Советский Союз¹⁶. Попытка обрести здесь новую родину закончилась трагически. Стереотипы протестного поведения, приносившие столько хлопот в Германии, оказались наказуемы и здесь. Борьба с начальниками-бюрократами на заводе в подмосковном городе Коломна, где работал старший Борош, закончилась его увольнением, попытки внедрить рационализаторские предложения породили отчуждение со стороны большинства рабочих. И Карл, и его дети так и не смогли усвоить главный жизненный лозунг советской эпохи - “не высовываться”. С началом «массового террора» по стандартному обвинению в шпионаже все трое Борошей были расстреляны.

В качестве рабочей гипотезы можно выделить три типа осмысления советской действительности коммунистическими эмигрантами из Германии. Энтузиасты были в восторге от всего, что видели в СССР, они жили пропагандистскими образами, стараясь не обращать внимания на суровую реальность. Разочаровавшиеся энтузиасты формировали достаточно редкую группу правдоискателей, пытавшихся и в эмиграции бороться при помощи методов, усвоенных еще на родине. Одним из них был уже упоминавшийся Макс Хельц, который бомбардировал письмами государственные и коминтерновские структуры, требуя к себе подобающего отношения. То, что его собственное поведение порочило образ стойкого революционера, создавало немало проблем для советских пропагандистов. Таинственная гибель Хельца в сентябре 1933 г. разрушила гордиев узел связанных с ним проблем.¹⁷ Наконец, самым массовым был тип оппортуниста, усвоившего основные приемы борьбы за выживание в эмигрантской среде, но использующего их только в случае угрозы личной безопасности. Принимая как должное советскую действительность, оппортунисты доставляли меньше всего хлопот государственным и партийным инстанциям в СССР, став в перспективе основным кадровым резервом КПГ.

¹⁶ Vatlin Alexander/ Musienko Natalia. Zwischen den Lagern. - Mitbestimmung. 1998, H.8, S.54-57.

¹⁷ Vom proletarischen Heros zur Unperson: Max Hoelz – R.Müller. Menschenfalle Moskau. Exil und stalinistische Verfolgung. Hamburg, 2001, S.104-126.

3. Контроль со стороны Коминтерна

Прибыв в СССР, немецкий коммунист был обязан отречься от старой родины, от своих родственников и личных привязанностей. Теперь его родиной навсегда становился Советский Союз. Эта процедура весьма напоминала обет отречения от земной жизни, который давали люди, поступавшие в тот или иной монашеский орден. Она не была оговорена ни в одном из документов, которые эмигрант подписывал по прибытии, но о ней все знали. Если до 1933 г. к переписке с родными в Германии или обращении в германское посольство относились довольно равнодушно, то после прихода Гитлера к власти это стало настоящим преступлением. Наличие в личных делах эмигрантов копий их писем личного характера доказывает, что переписка с границей в те годы находилась под жестким контролем органов госбезопасности, которые информировали об этом структуры, отвечавшие за пребывание иностранцев в СССР.

Если контакты с Германией простых рабочих всплывали только после их ареста, то для работников ИККИ факт переписки с границей становился предметом разбирательства еще «на дальних подступах» к Лубянке. Так, партийная группа секретариатов ИККИ 17 августа 1937 г. разбирала персональное дело уже упоминавшегося выше Вернера Петермана. Несмотря на положительные характеристики коллег, в решении отмечалось, что «товарищ не понял вначале глубины своей ошибки, заключавшейся в связи с родителями и родственниками, находящимися в фашистской Германии». Участвовавший в обсуждении Курт Функ (Герберт Венер) считал полное отречение от прошлого само собой разумеющимся фактом: «По-моему, он (Петерман – А.В.) должен был бы показать партийной организации письма, которые он получает из Германии. Для меня, для человека, который работал очень долго в нелегальных условиях, трудно понять возможность переписки между Германией и Советским Союзом. Я бы не мог поддерживать такую переписку. В момент, когда я переходил границу, я знал, что рву со всем, и сохраняю только те связи, которые нужны для партийной работы.»¹⁸

Впрочем, не бывало правил без исключений. Чета Петерманов получила разрешение отдела кадров на посещение германского посольства для обмена паспортов, так как это позволяло получить их новые образцы для использования в конспиративной работе. Через представительство КПГ шла переписка Отто Брасса, прибывшего в СССР в 1932 г. и работавшего инженером-электриком в Семипалатинске, со своим отцом, оставшимся в Германии. Отто Брасс старший, активно работавший в антифашистском подполье, был близок группе «Ней Бегин-

¹⁸ РГАСПИ, 495/205/6184. л.33. Впоследствии Венер трактовал свое выступление как смелую попытку «опровергнуть произвольные доводы партийного обвинителя» - Müller R. Herbert Wehner – Moskau 1937. S.186, Fußnote12.

нен» и симпатизировал коммунистам. Руководство КПГ регулярно снабжало его деньгами от имени сына.¹⁹

При переходе немецкого эмигранта на работу в государственные или международные учреждения их руководство (либо «курировавшие» ту или иную организацию сотрудники НКВД) обязательно направляло запрос в ИККИ (иногда это было несколько строчек от руки), чтобы получить гарантию его благонадежности. Среди этих учреждений была и военная разведка, и Коммунистическая Академия, и Издательство иностранных рабочих, и даже Международное объединение революционных писателей. Поручительство давалось в конечном счете Представительством КПГ, хотя оформлялось через отдел кадров ИККИ.

Особой формой учета коммунистических эмигрантов и контроля за ними являлась процедура их перевода в члены ВКП(б). До начала 30-х гг. она носила достаточно формальный характер, ибо согласно Уставу Коминтерна «коммунисты, переменившие свое местопребывание, обязаны вступить в секцию страны, в которую они прибыли».²⁰ Начало в 1933 г. чистки в ВКП(б) и связанный с ней двухлетний мораторий на прием новых членов фактически парализовали работу комиссии по переводам при представительстве КПГ, что породило огромную неразбериху и поток обиженных писем от «недопереведенных».

В ходе работы комиссии проводилась проверка политической биографии того или иного коммуниста на основе его автобиографии и поручительств нескольких проверенных товарищей (как правило, их имена называл сам проверяемый). В сложных случаях для подтверждения отдельных фактов биографии (аресты, поведение на следствии, работа в подполье и т.д.) направлялись запросы в отдел кадров ИККИ. Стандартные протоколы комиссии демонстрируют широкий спектр принимавшихся решений – она могла перевести проверяемого в члены или кандидаты ВКП(б), признать сочувствующим, дать испытательный срок и т.д.

Следует обратить внимание на то, что через различные формы контроля со стороны ИККИ и представительства КПГ проходили и немецкие эмигранты, не являвшиеся членами компартии. Прибывший в апреле 1936 г. в Москву Альвин Дитц до 1933 г. являлся членом СДПГ и Рейхсбаннера, после прихода Гитлера к власти попал в руки штурмовиков, сумел бежать из концлагеря Витмоор. Поскольку никто из коммунистов не мог подтвердить этих фактов, представительство КПГ отказалось рекомендовать его на получение статуса политэмигранта. Дитц несколько раз обращался в Коминтерн с просьбой отправить его на гражданскую войну в Испанию, однако после бесед в отделе кадров получал отказ.²¹ Его ждала такая же судьба, как и другого немецкого социал-демократа Карла Бю-

¹⁹ РГАСПИ, 495/205/1821.

²⁰ Устав Коммунистического Интернационала. - Коммунистический Интернационал в документах, 1919-1932. М., 1933, с.51.

²¹ РГАСПИ, 495/205/4693.

рена, расстрелянного по сфальсифицированному обвинению вместе со своим сыном.²²

С середины 30-х гг. все граждане Германии, находившиеся в СССР, были обязаны принять советское гражданство. Исключения делались для ответственных работников ИККИ и КПГ, ряда известных политэмигрантов, а также деятелей литературы и искусства, часто выезжавших из страны. Эта процедура поставила перед тяжелым выбором как большинство эмигрантов, так и рядовых немецких коммунистов, работавших в промышленности. После истечения пятилетнего срока действия своего германского паспорта они уже не могли устроиться на работу, так как им отказывали в продлении вида на жительство.

Ярким свидетельством мучительных раздумий – «уезжать или оставаться» – является письмо Вальтера Линцера, работавшего на Челябинском тракторном заводе. Его автор специально подчеркивает, что его сомнения в целесообразности отказа от германского гражданства вызваны не стремлением «подстраховаться», однако этот факт свидетельствует о наличии подобных настроений в эмигрантской среде. Достаточно показателен и ответ Линцеру представительства КПГ, выдержанный в тоне отеческого увещевания. Немцу рабочему внушалось: принять советское гражданство – партийный долг, а обратиться в фашистское посольство за продлением паспорта – тяжкое преступление.

4. Стратегии выживания немецких эмигрантов в годы «большого террора»

Со второй половины 30-х гг. в Советском Союзе развернулась практически непрерывная полоса массовых репрессий, затронувшая все категории населения. Историки спорят о том, против кого было направлено острие «большого террора» и какие социальные группы пострадали от него в наибольшей степени.²³ Однако никаких сомнений не вызывает то обстоятельство, что представители «некоренных национальностей», а тем более выходцы из других стран являлись одной из основных «групп риска». И коммунистические эмигранты не составляли здесь исключения.

Все было против них: их политическое прошлое, богатое разного рода уклонами и шатаниями, их менталитет радикальных бунтарей, властные амбиции и толчея на минимальном политическом пространстве. Эмигрантам пришлось испы-

²² Бутовский полигон. 1937-1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Выпуск 1, Москва, 1997, с.97, выпуск 6, М. 2002, с.64.

²³ Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003, S.183-203.

тать на себе активизацию проверяющих структур КПП и Коминтерна, вызванную атмосферой всеобщей подозрительности и шпиономании. Это было своего рода социалистическое соревнование в сфере бдительности, где счет велся не на тонны собранной пшеницы или добытого угля, а на головы разоблаченных врагов народа. Немецкие референты отдела кадров ИККИ направляли в органы НКВД справки “о плохих элементах”, московское руководство германской компартии спешило исключить из нее всех тех, кто еще вчера считался образцовым коммунистом, а сегодня оказался под угрозой ареста.²⁴

В центре нашего внимания, как уже было заявлено выше, будет не соучастие коминтерновских структур в массовых репрессиях, а реакция на них самих немецких эмигрантов. Их переписка, воспоминания и документы из личных дел свидетельствуют о том, что они отдавали себе отчет в том, какая угроза над ними нависла. Общая для всех угроза порождала тем не менее индивидуальные стратегии спасения, о которых (тоже в качестве рабочей гипотезы) и пойдет речь ниже.

Первую из них можно определить как пассивное восприятие происшедшего как «злого рока», извращений партийной линии, с которыми руководство СССР само разберется. Люди закрывали глаза на очевидное, замыкались в себе, становились недоступными даже для родных и близких. «Наиболее распространенной реакцией был отказ от восприятия ужасного и угрожающего, замалчивание происходящего или замыкание в самом себе».²⁵ «Атомизация общества», о которой писала Ханна Арендт, достигала своего абсолюта. Для обычных советских граждан это состояние можно было бы назвать «внутренней эмиграцией», но для немецких коммунистов оно не подходило, ведь они и так находились в эмиграции. Люди, прошедшие тюрьмы и пытки, потеряли способность к сопротивлению, напоминали кроликов, загипнотизированных удавом, смиренно ждали неизбежного ареста. “Многие иностранцы каждый вечер пакуют вещи в ожидании возможного ареста. Многие из них вследствие постоянного страха стали полусумасшедшими, потеряли способность работать», - так описывал Евгений Варга ситуацию в Москве в марте 1938 г.²⁶ Как в отеле «Люкс», так и в местах проживания немецких рабочих и политэмигрантов резко выросло число самоубийств, которые выступали в качестве *ultima ratio* в поисках выхода из тупика двойной эмиграции.

Иногда тот, кто потерял работу и лишился средств к существованию, пытался уехать из Москвы, затеряться в российских просторах, «залечь на дно». Как правило, такие попытки были обречены на провал, уж слишком выделялись иностранцы среди местного населения. Выезд в подмосковную деревню не спас

²⁴ Müller R. Herbert Wehner – Moskau 1937, S.101-112.

²⁵ Goehrke C. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neuen Zeitbildern. Band 3. Sowjetische Moderne und Umbruch. Zürich, 2005, S.228-229.

²⁶ Цит.по: Проблемы мира и социализма, 1989, № 7, с.90.

двух сестер Берту и Лидию Фейерхерд от ареста,²⁷ а вот старший сын швейцарского коммуниста Фрица Платтена отправился простым рабочим в Среднюю Азию и таким образом, как он сам считал, сумел выжить.²⁸

Тот, кто сохранил свой германский паспорт (даже если он был просрочен), имел возможность обратиться в посольство. Многие потом проклинали тот миг, когда согласились на перевод в советское гражданство.²⁹ Впрочем, и для граждан Германии визит в собственное посольство был связан с большим риском. Все входы и выходы контролировались, да и среди персонала в консульстве имелись осведомители органов госбезопасности. Сразу же после поездки Берты Фейергерд в Москву и посещения посольства за ней приехали оперативные сотрудники местного отделения НКВД. Жена арестованного шутцбундовца Жозефина Бруннер семь месяцев жила в здании австрийского посольства вместе с двумя детьми и работала там кухаркой, боясь выйти на улицу. Потребовалось личное вмешательство посла Австрии для того, чтобы они смогли выехать на родину.³⁰ Весьма экзотическим путем выезда из СССР был брак с иностранцем – естественно, он был доступен только для незамужних женщин. Немка Рика Ортман вышла замуж за шведа и уехала на его родину, более того, нашла там жениха и для своей подруги, оставшейся в Москве. Однако уже после свадьбы и немедленного перехода из немецкого в шведское гражданство та была арестована органами НКВД и погибла в лагерях.³¹

Эмигранты пытались выехать из СССР и различными окольными путями. Мы не можем детально реконструировать мотивы, побуждавшие их писать заявления об отправке на гражданскую войну в Испанию – такие документы встречаются в личных делах достаточно часто. Там, на “передовой классовых сражений”, как писала тогда советская пресса, было спокойней, чем в “отечестве пролетариев всего мира”.

Альтернативной стратегией выживания немецких политэмигрантов в период массовых репрессий была повышенная активность и игра на опережение карательных органов. Эта линия поведения заслуживает особого внимания, так как она являлась сознательным ответом на «большой террор», требовала осмысления его механизмов и методов. Она включала в себя подражание пропагандистскому образу нового человека, чтобы убедить партийные и полицейские органы в собственной лояльности. Далекое не всегда речь шла о громогласных разоблачениях и примитивных доносах, которые являлись обоюдоострым оружием, привлекая к той или иной персоне внимание карательных органов. Большой успех обещало

²⁷ Vatlin A. Tatort Kunzewo. S.145-146.

²⁸ Устное сообщение Георга Платтена начала 90-х гг.

²⁹ Отто Брасс в письме Димитрову от 21 августа 1939 г. назвал этот шаг «главной ошибкой моей жизни». – РГАСПИ, 495/205/1821.

³⁰ Письменное сообщение Маргит Хюмер автору.

³¹ РГАСПИ, 495/205/6416.

следование правилу, известному нам из более поздних советских времен: «не высовываться, пока не спросят». Одним из самых ярких примеров умеренного активизма стала судьба члена Политбюро ЦК КПГ Герберта Венера, который благополучно пережил годы репрессий в Москве, сотрудничая с органами НКВД, а затем покинул партийные ряды.

Ментальность нового поколения кадров КПГ, прошедшего через партийные “чистки” и кампании “самокритики” в Международной ленинской школе, подразумевала готовность перешагнуть через моральные нормы в борьбе за политическое и физическое выживание. Масштаб взаимных обвинений, отложившихся в личных делах архива Коминтерна, впечатляет. Следует иметь в виду, что адресатом были и оставались партийные органы - доносы от иностранных коммунистов напрямую в НКВД являлись редкостью. Тем не менее, добровольный контакт с карательными органами выступал в качестве позитивного (хотя и скрываемого от окружающих) момента партийной карьеры.

Согласно показаниям одного из арестованных сотрудников Коминтерна немца Теодора Бойтлинга, он неоднократно докладывал о троцкистских настроениях своего соседа по комнате в общежитии. Вскоре после этого, 14 января 1936 г. как свидетель вызван в НКВД, “дали задание проследить за поведением Готвальда и его приятеля Бергмана. В соответствии с этим заданием я несколько раз посетил его квартиру. О результатах своих наблюдений я сообщил в НКВД”.³² Как уже говорилось выше, при номенклатурных назначениях тот или иной кандидат проходил проверку на лояльность, и факты “добровольного сотрудничества” играли ему на пользу. В материалах следственных дел в отношении эмигрантов из Германии преобладают не инициативные, а неизбежные доносы. Например, на партсобрании тот или иной слушатель воздержался при голосовании. Его случайные соседи просто обязаны об этом доложить, иначе они выступали в качестве “укрывателей” и сами брались на заметку. Не мог остаться незамеченным такой «вопиющий факт», как выход из зала при голосовании резолюции, осуждающей происки троцкистов в СССР.

Представитель той же национальности, член той же компартии был либо ближайшим другом, либо самым опасным врагом - между “политическими землячествами” практически не было нейтральных отношений. Именно между ними курсировал наиболее заметный поток взаимных обвинений и доносов (трудно себе представить, чтобы китайский коммунист строчил доносы на польского товарища, если они не были соседями по “Люксу”), дававших благодатную почву оперативным работникам НКВД. Внеслужебные и не санкционированные сверху отношения между людьми оказывались достаточным основанием для их ареста. Покончив с политическим протестом, тоталитарная система взялась за иско-

³² Государственный архив Российской Федерации. Фонд 10035, опись 1, дело п-22720, том 7, л. 130

речение “человеческого фактора” среди собственных подданных, не делая скидок ни на гражданство, ни на национальность.

Играя на опережение, отвести от себя ответственность за недостаток бдительности пытались не только отдельные лица, но и коминтерновские структуры в целом. Сразу же после завершения первого показательного процесса 27 августа 1936 г. Димитров в письме Сталину отверг обвинения ряда политэмигрантов в том, что Коминтерн отстает в борьбе с “врагами народа”. В качестве подтверждения генеральный секретарь ИККИ послал генеральному секретарю ЦК ВКП(б) справку отдела кадров Исполкома Коминтерна о том, что им были направлены в НКВД материалы на три тысячи эмигрантов, подозрительных по шпионажу или вредительству.

5. Немецкие эмигранты по окончании волны репрессий

В ходе массовых операций по самым приблизительным оценкам было арестовано более полутора тысяч немецких коммунистов, в разное время приехавших в СССР. Если первоначально в соответствии с логикой показательных процессов их обвиняли в троцкистской деятельности, то с началом «массовых операций» среди обвинений стал преобладать шпионаж. Чтобы соблюсти хотя бы внешнюю правдоподобность фальсификаций, сотрудники НКВД ставили во главе заговорщиков-троцкистов либо умерших, либо уехавших из СССР эмигрантов (Макс Хельц, Эрих Волленберг). Шпионские сети «возглавляли», как правило, сотрудники посольства и торгпредства Германии, иногда с вымышленными фамилиями.

Вокруг оставшихся на воле родственников арестованного образовывался вакуум, их лишали престижной работы, выселяли из отеля «Люкс», налагали партийные взыскания. Жену после ареста мужа нередко вызывали в отдел кадров ИККИ и требовали написать список всех знакомых, с кем общалась их семья. Списки отправляли в НКВД, равно как и покаянные письма-доносы соседей и соратников арестованных, признававшихся, что не сумели вовремя разглядеть «притаившегося рядом врага».

В личных делах имеются и документы иного рода, свидетельствующие о том, что жены продолжали бороться за возвращение своих мужей, несмотря на то, что это было связано с риском для их собственной жизни. Эрна Влох отказалась отречься от своего мужа Вильгельма, арестованного 27 июля 1937 г.: «Я знаю, что без причины здесь не арестовывают. И несмотря на то, что величайшей моей заботой являются дети, настоящим я заявляю, что я ручаюсь за него как за человека и товарища по партии».³³ Подобные выражения кочуют из письма в письмо, казалось, что они писались женами репрессированных под копирку, а может, даже обсуждались до ареста главы семейства и заучивались наизусть.

23 августа 1937 г. уже упоминавшийся Отто Брасс младший написал очередное письмо в Германию, где пригласил своих родителей переселиться с СССР. Однако счастливого воссоединения семьи не получилось. Через четыре дня Отто Брасс младший был арестован в рамках «немецкой операции» НКВД. Неприспособленный к выживанию в чужой стране, он искренне надеялся на помощь товарищей по партии хотя бы его больной туберкулезом жене и трем детям, которые поселились рядом с лагерем, где Брасс отбывал свой десятилетний срок. Его письма воспринимаются не просто как крик души, но и как ультиматум партийному руководству: «Моя жена стоит на краю пропасти, она собирается покончить жизнь самоубийством, если в течение ближайшего времени не произойдет изменений, то есть меня не освободят и я вновь смогу заботиться о ней... Разве

³³ РГАСПИ, 495/205/6043, л.36.

это правильно, что женщина-работница, муж которой никогда не уклонялся от линии партии, здесь погибает? Я последую за ней, если она совершит самоубийство».³⁴ Мотив жизненного тупика, самоубийства повторяется в десятках писем конца 30-х гг., адресованных представительству КПГ при ИККИ.

Действительно, надежда на партийную солидарность оказалась тщетной, а выжить в СССР без помощи друзей и знакомых в таких условиях было практически невозможно. В большинстве научных работ, посвященных судьбе немецких коммунистов в СССР, делается акцент на разобщенность и шпиономанию в их среде, взаимные доносы и провокации, тотальный страх и паралич воли. Но даже в экстремальных условиях люди сохраняли человеческие чувства, помогали попавшим в беду, пусть под покровом ночи, но приходили к людям, попавшим в немилость,³⁵ делились с родственниками арестованных кровом, едой и одеждой. Эта сторона жизни эмигрантов мало отражена в их личных делах, и она еще ждет своего исследователя.

Та же Эрна Влох долгое время жила на даче у писателя Фридриха Вольфа, знакомые женщины собирали теплые вещи для ее больной дочери. После ареста мужа она три года вела борьбу за существование в незнакомой для себя обстановке, обивая пороги государственных и коминтерновских инстанций. Первоначально речь шла о предоставлении работы и материальной помощи для детей, с 1939 г. Эрна стала требовать разрешения вернуться в Германию. Так как ее паспорт неоднократно использовался в ходе тайных операций Коминтерна, отдел кадров признал выезд Эрны Влох за рубеж нецелесообразным. Данные о ее «антисоветских настроениях» регулярно откладывались в личном деле. Так, в феврале 1940 г. Эрна Влох заявила подругам: «Если меня выдворят из Москвы, то пусть погрузят на грузовик, это будет демонстрация против советских органов»³⁶ Однако на дворе стоял уже не 1937 год, и органы ИККИ выбрали меньшее зло, разрешив Эрне и ее детям выезд в Германию. Ее сын Лотар был одним из членов «тройки», описанной в книге Маркуса Вольфа.³⁷

Еще один случай неблагодарной судьбы и ограниченных возможностей эмигрантского центра КПГ помочь своим людям – Марта Арэндзее. Инвалид с юных лет, она сделала стремительную карьеру в партии и на протяжении пяти лет являлась депутатом рейхстага. Арэндзее попала в Москву после нескольких месяцев, проведенных в нацистских застенках, активно участвовала в пропагандистской работе, являя собой образ несгибаемой коммунистки. При поддержке представительства КПГ она обратилась в советские органы социальной защиты за по-

³⁴ Письмо В.Пику от 20 июля 1939 г. Отто Брасс был освобожден из лагеря только в 1954 г. и остался жить в СССР, судьба его семьи неизвестна.

³⁵ Buber-Neumann, M. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. Ein Bericht aus der Praxis der Komintern. Stuttgart, 1967, S. 473-474.

³⁶ РГАСПИ, 495/205/6043, л.43.

³⁷ Wolf M. Die Troika - Geschichte eines nichtgedrehten Films. Berlin, Weimar, 1989.

лучением персональной пенсии. Пока шла бюрократическая волокита, был арестован ее муж, и вопрос о пенсии был закрыт. Чтобы выжить в Москве, Марте пришлось на старости лет учиться вязанию, в качестве вязальщицы-надомницы она зарабатывала всего 80 рублей в месяц и влачила нищенское существование. Ее неоднократные обращения к руководителям КПП возымели свое действие, и после полутора лет переписки Арендзее получила «пенсию по труду» - всего 200 рублей. Для сравнения скажем, что как только она начала выполнять поручения Национального комитета Свободная Германия, ей стали платить ежемесячную дотацию в 600 рублей.³⁸

Эпоха репрессий в СССР сократила ряды немецкой политэмиграции, не менее тяжелыми были и ее психологические последствия. Люди, в том числе и занимавшие ответственные посты в партийной иерархии, потеряли способность принимать самостоятельные решения, спорить с официальной линией, все время проводили в бесчисленных «утрясках» и согласованиях. Неправильно употребленный термин мог обернуться не только политическими обвинениями, но и поставить под угрозу собственное существование. В этих условиях усилилось формирование неформальных групп взаимной поддержки, фактически клановых взаимоотношений. Переписка, сохранившаяся в личных делах эмигрантов, показывает, какую важную роль в решении любого вопроса играло наличие в вышестоящих инстанциях заступника-патрона. Столь же важным было умение политически грамотно упаковать собственные просьбы, увязать их с актуальным моментом, насытить соответствующей лексикой. У немецких политэмигрантов конца 30-х гг. можно было бы поучиться такому предмету, как выразительное письмо. Не случайно Джордж Орвелл в своем словаре «новояза» обращается к опыту Коминтерна.³⁹

Ситуация мало изменилась и после начала советско-германской войны. При заступничестве и поддержке Коминтерна и КПП того или иного эмигранта могли оставить в Москве, «забронировать жилье», обеспечить его семью особым пайком в эвакуации. В ряде случаев людей, которые рассматривались как партийный резерв, могли вернуть из эвакуации и даже из трудармии. Дети известных эмигрантов, такие как будущий режиссер Конрад Вольф, становились сотрудниками специальных отделов Красной Армии, занимавшихся пропагандой в гитлеровской армии. В то же время решение самых простых бытовых вопросов нередко наталкивалось на бюрократическое сопротивление.

Характерным примером в этом отношении является письмо сотрудника представительства КПП Пауля Йекеля руководителю отдела кадров ИККИ Вилкову от 8 мая 1942 г. Йекель оказался в Уфе, куда был эвакуирован Коминтерн, в крайне тяжелом материальном положении. Его письмо начинается с перечисления соб-

³⁸ РГАСПИ. 495/205/31, л.9.

³⁹ Орвелл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989, с.205.

ственных заслуг перед коммунистическим движением, затем автор подчеркивает, что отдает себе отчет во всех трудностях, которые Советский Союз испытывает в борьбе с нацизмом. Обязательна и ссылка на благосклонность партийных лидеров – Йекель пишет, что только после вмешательства лидера КПГ Вильгельма Пика ему выдали мыло и табак. Присутствует и еще одна ключевая фраза – автор не требует особых привилегий для себя лично, а отстаивает принцип равенства и социальной справедливости. И наконец скрытая, но допустимая угроза: «Такой подход дискредитирует образ Коминтерна в глазах товарищей».⁴⁰

Пусть даже написанное в экстремальных условиях, письмо Пауля Йекеля наглядно демонстрирует то, как далека оказалась советская реальность от идеальных образов «отечества всех трудящихся», с которыми немецкие эмигранты прибывали в СССР. После прихода Гитлера к власти они потеряли право на возвращение домой, на новой родине их стали рассматривать в качестве потенциальной «пятой колонны». Гарантией их политического и физического выживания стало не право на защиту от преследований нацизма, а степень полезности сталинскому режиму. С 1944 г., когда вновь становится осязаемой перспектива «Советской Германии», личные дела немецких коммунистов, волею судеб оказавшихся в СССР, становятся предметом пристального интереса со стороны наследника аппарата Коминтерна – отдела международной информации ЦК ВКП(б).

⁴⁰ РГАСПИ. 495/205/6417, Вл.59-60.